

Адорно Т. Исследование авторитарного характера / пер. с нем. М.Н. Попова, Л.К. Латышевой, М.В. Кондратенко. — М.: Серебряные нити, ЦГИ, 2022. — 414 с.

Теодор Адорно, философ, композитор, музыковед, хорошо известен философскому сообществу как автор «Негативной диалектики» с афоризмом о том, что «*писать стихи после Освенцима — это варварство*», «Философии новой музыки», «Проблем философии морали», «Жаргона подлинности» и др., написанных в том числе в соавторстве с В. Бенямином и М. Хоркхаймером. Один из основоположников Франкфуртской школы Т. Адорно при изучении корней авторитаризма на материале Западной Германии и США выяснил «весьма симптоматическое для антидемократической структуры сочетание таких личных черт, как конвенциональность, покорность власти, деструктивизм и цинизм». Он показал опасность отклонения миропонимания людей в сторону укрепления автоматизма стереотипов и действий по правилам, скрытым в привычке. В книге есть два раздела («Введение» и «Измерение антидемократических черт в структуре характера»), авторами которых являются, помимо Адорно, Э. Френкель-Брюнсвик, Д.Дж. Левинсон и Р.Н. Сэнфорд. Остальные пять разделов принадлежат только Адорно. Это «Предубеждение в материалах интервью», «Политика и экономика по материалам интервью», «Религиозные представления по материалам интервью», «Типы и синдромы», «Психологическая техника в речах Мартина Лютера Томаса по радио». Предваряет книгу весьма информативное предисловие проф. В.П. Култыгина.

Книга представляет собой разнородные социологические исследования (прежде всего интервью, но и таблицы опросов), направленные на выявление структуры *потенциально фашистского индивида*, структуры, делающей его «особо восприимчивым к антидемократической пропаганде» (с. 15). Сложность исследования заключалась в том, что они проводились почти сразу после окончания Второй мировой войны, и многие люди открыто себя не идентифицировали. Идентификации таких лиц способствовало наличие у них множества общих типичных «идеологических» черт.

Термин «идеология» употребляется в книге в значении системы мнений, поведения, исповедания ценностей, которая дает представление об образе мыслей склонных к авторитаризму и антисемитизму людей. Сам феномен антисемитизма, по мнению Т. Адорно, связан «как с подавляющим разумом, так и с массовой культурой, потому что он демонстрирует ту же нетерпимость и боязнь “неидентичного”, ту же нехватку воображения, ту же неспособность к автономному, критически-когнитивному опыту» (с. 9). Точка зрения Адорно (и авторов двух первых разделов книги, см. выше) схожа с мнением многих обществоведов, считающих фундаментом антисемитизма субъективные факторы и складывающуюся в определенный период жизни психологическую атмосферу как часть атмосферы идеологической. Отдавая отчет в том, что многие мысли могут быть «тайными», Адорно и упомянутый коллектив авторов старались найти доступ к этим скрытым тенденциям — в огромной степени это заключалась в выработке вербальных стратегий, которые позволили бы вызвать человека на откровенный разговор.

Поскольку характер — это относительно устойчивая организационная сила индивида, представляющая собой *потенциал реакций*, то исследование проводилось в традициях академической психологии с оглядкой на воззрения Фрейда.

Для выявления лиц с фашистской склонностью Адорно использует теорию типов (со всевозможными оговорками относительно правомерности такого использования) и описывает разнообразные синдромы, позволяющие опознать такие лица. Это конвенциональный синдром, авторитарный синдром, тип бунтовщика, психопата, «фантазера» и «манипулятивный тип», а также так называемые «синдромы свободных от предрассудков» («закостенелый» свободный от предрассудков синдром, «протестующий», «импульсивный», «непринужденный»).

В особый раздел выделено исследование о технике речи одного из фашистских агитаторов Мартина Лютера Томаса по радио. Адорно обращает внимание на склонность фашистского фюрера «к болтливому заявлению о собственной персоне», «их язык личностей», в отличие от либеральных и леворадикальных пропагандистов, которые избегали намеков на частную жизнь и объективировали язык. Фашистская практика основывалась на безличном общественном порядке, но «чем энергичнее отдельный человек низводится до простого колесика в механизме, тем настойчивее должна быть подчеркнута, как компенсация за его бессилие, идея его неповторимости, автономности и значимости» (с. 312). Адорно называет это трюками. Он выделяет несколько трюков в вербальной технике исследуемого персонажа: помимо указанного личностного элемента как самохарактеристики агитатора, он обращает внимание на такие трюки, как трюк «одинокого волка», «освобождения от чувств», «преследуемой невинности», «неутомимости», «посланца», «содрогания от ужаса» и пр. К этому добавляются такие характерные методы, как идеологическая травля, тема заговора с целью создания разного рода кризисов.

Книга Адорно весьма современна, интересна философам, социологам, политологам и всем, интересующимся социально-политическими изменениями, произошедшими с 1940-х годов XX в. по настоящий день.

Аугсбургское исповедание, составленное под редакцией Филиппа Меланхтона / составление и редакция Ивана Фокина. — СПб.: Изд-во «Умозрение», 2023. — 312 с.

Сборник состоит из 1) обширной вводной статьи И.Л. Фокина «Основные принципы протестантского исповедания веры», 2) произведений М. Лютера («Речи на Вормском рейхстаге», «Восемь Виттенбергских проповедей» и трактата «О порядке богослужения в общине»), 3) «Аугсбургского исповедания» — коллективного творчества реформаторов под редакцией Филиппа Меланхтона, состоящего из двух частей: статей о вере и учении и спорных статей об отмененных злоупотреблениях (каждая часть сопровождается кратким предисловием) и 4) Приложения: Ректорской речи Г.В.Ф. Хегеля (sic!) по случаю 300-летия представления императору Карлу V протестантского вероучения на Аугсбургском рейхстаге, произнесенной в свое время на латинском языке.

Автор вводной статьи обращает внимание не только на особенности Аугсбургского исповедания 1530 г., но на то, что оно представляет собой народную веру и народную религию, способствуя порождению «различных типов национально-политического устройства и национальных художественных идеалов, формирующих неповторимый

национальный характер» (с. 5). Первый раздел Аугсбургского исповедания содержит статьи о Боге, первородном грехе, Сыне Божиим, об оправдании, проповедническом служении, о действительности Церкви, о государственной власти и общественном порядке и др. Включение статьи о государственной власти обусловлено учением, согласно которому светская власть и все государственное устройство созданы Богом и «являются установленным добропорядком» (с. 174), а также осуждением «перекрещенцев, которые отвергают все это как нехристианское» (там же). Во втором разделе подчеркивается, что «статьи о вере наших церквей не исповедуют ничего противного Священному Писанию или единой христианской Церкви» и лишь сообщают об отмене «некоторых злоупотреблений, которые отчасти распространялись сами собой, а отчасти распространялись насильно» (с. 182). Целью публикации речи Хегеля (оставим авторское написание фамилии философа) в его бытность ректором Берлинского университета является сделанный Хегелем акцент на том, что «*мирянам* также подобает судить о религиозных вопросах и что они добились для нас этой бесценной свободы суждения о своей религии и о своей вере». Более того, здесь важен обоюдный процесс: «важно, чтобы в случае реформирования религии были также реформированы политическая, правовая и этическая системы» (с. 290–291). Фокин в комментарии пытается изменить бытовавшее поверхностное представление о «Философии религии» Хегеля, объяснявшее понятие Идеи заимствованием «нашим мышлением из естественных отношений» (с. 300), сделав попытку представить его философию тождественной «христианской вере как *вечной истории Бога*» (там же).

Книга представляет интерес не только для интересующихся философией, теологией и историей протестантизма, но для тех, кто всерьез занят философией истории и историей философии в целом.

Харт Г.Л.А. Философия и язык права / Сост., общая редакция, вступ. ст. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024. — 384 с.

В сборник помещены переводы 11 статей Герберта Лайонела Адольфа Харта (1907–1902), английского философа и теоретика права, профессора юриспруденции Оксфордского университета, основателя аналитической философии права. Статьи составляют примерно 2/3 книги, оставшуюся треть занимает Приложение. В него включена статья представителя американского правового реализма Э. Боденхаймера «Современная аналитическая юриспруденция и границы ее полезности», которая представляет собой его «критические замечания... на инаугурационную речь Харта по случаю избрания профессором юриспруденции Оксфордского университета» и ответом на которую является статья Харта «Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру». Помимо статьи Боденхаймера, в Приложение вошли три работы выдающегося философа права Л.Л. Фуллера, автора «Морали права», профессора права Гарвардского университета, оппонента Харта. Одна из его работ в Приложении — образец правового фэнтези.

В книге собраны ранние работы Харта — с 1948 г. по 1960 г. Кажущиеся разнородными работы объединены общим методологическим подходом, связанным с проблемами употребления языка. Так, например, в статье «Сказка логика» Харт обращает внимание на различие реального (экзистенциального) состояния дел, выражаемого в логическом предложении, и условно-возможного «как если бы», даже если внешне

предложения выглядят формально тождественными, т. е. «таким образом, что предполагают существование членов S» (с. 77). «Чтобы охарактеризовать сказку... — пишет Харт, — мы должны сделать несколько вещей, которые формальный логик делать не привык. Во-первых, мы должны признать, что, хотя предложение имеет значение, которое мы понимаем, а высказанные при употреблении предложения суждения имеют логические отношения к другим суждениям (например, «все людоеды являются злыми», «ни один людоед не является злым», «некоторые людоеды являются злыми», «некоторые людоеды не являются злыми». — *Ред.*), из этого не следует, что в каждом случае осмысленного употребления предложения высказывается суждение, которое должно быть истинным или ложным, ибо вымысел не является ни истинным, ни ложным. Во-вторых, как результат очевидного факта, что определенные типы эмпирического предложения... прежде всего предназначены для употребления (и поэтому являются истинными или ложными) там, где объекты, упоминаемые их субъектом, существуют, мы должны признать, что существует конвенциональная связь между этими предложениями и экзистенциальными предложениями, посредством которых мы утверждаем, что выполнено условие обычного употребления. Эта конвенциональная связь не является следованием; и один из главных приемов вымысла заключается в намеренном нарушении этой конвенции. В-третьих, мы должны сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления и на том, что может быть названо *способом утверждения* предложения в частном случае. То есть мы должны исследовать: 1) выполняется ли экзистенциальное условие, требуемое для обычного употребления предложения, и 2) почему говорящий говорит так, как если бы это условие было выполнено. Ибо отличие вымысла заключается не в общем вопросе, упомянутом первым, но в употреблении (в смысле вычисленного злоупотребления) общей формы в частном случае» (с. 93–94).

Несомненный интерес представляет статья «Существуют ли естественные права?», ибо они — точно — забыты к настоящему времени, подмятые позитивным правом или вовсе не поднятые. Харт поддерживает тезис, «что если и существуют какие-либо моральные права в целом, то отсюда следует, что существует, по крайней мере, одно естественное право, равное право каждого человека быть свободным» (с. 126), хотя очевидно, что «в особых условиях принуждение или ограничение действий может быть оправдано в соответствии с общим принципом» (с. 117).

Харт обращает внимание и на то, что человек не может полностью раствориться в праве. В статье «Позитивизм и разграничение права и морали» он пишет: «Неправильное представление о судебном процессе, исключаящее проблемы полутени и усматривающее суть этого процесса в дедуктивном мышлении, часто нарекают ошибкой “формализма” или “буквализма”. Моя задача — выяснить, как и до какого предела выявление этой ошибки делает взгляды утилитаристов на отделение права от морали ошибочными или уводящими от истины» (с. 187).

Сборник переводили квалифицированные философы и юристы В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев, А.Б. Дидикин, В.В. Архипов, С.Н. Касаткин, В.В. Целищев.

Книга предназначена каждому желающему всерьез познакомиться с аналитической теорией права, не говоря уже о философах, юристах, лингвистах.